

и не воплотилась в реальности, войны же держав и их коалиций оставались единственным средством поддержания баланса международных отношений — с другой. К этому можно добавить, что Вестфальский мир, как выражения принципа консервации политической системы Священной римской империи на деле только усугубил раздробленность Германии.

Говоря о роли России в Вестфальской системе, Х. Духхардт отмечает, что по мере достижения Московским государством статуса Всероссийской империи менялось и ее отношение к вестфальским принципам международных отношений. В начале это отношение было опосредовано Швецией и Польшо-Литовским государством. После Северной войны 1700—1721 гг. и падения шведского великодержавия начинается восхождение России к вершинам европейского могущества, связанное с требованием международного признания ее новой политической роли. И, наконец, на исходе правления Екатерины II Российская империя приняла на себя статус гаранта Вестфальской системы, что выразилось в постановлениях Тешенского конгресса 1779 г. и в претензиях

Петербурга на то, чтобы возглавить державы «старого порядка» в борьбе с революционной Францией. Возникает, правда, вопрос, в какой мере вестфальские международно-правовые нормы сохранили свое значение после 1815 г. Однако думается, что уже начиная с XIX в., социально-политический строй европейских государств претерпел глубокую трансформацию, а это в свою очередь кардинально повлияло как на характер международных отношений, так и на систему международного права. Поэтому следы Вестфальской системы в практике международных конгрессов и иных протокольных элементов международных отношений не имели уже существенного значения и оставались данью дипломатическим традициям и всего лишь поводом для публицистических штудий.

К.А. Кочегаров,
кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН,
Б.В. Носов,
доктор исторических наук,
Института славяноведения РАН

M. Mulsow. ENLIGHTENMENT UNDERGROUND. RADICAL GERMANY, 1680-1720. CHARLOTTESVILLE — London: University of Virginia Press, 2015, 454 p.

М. Мульсов. ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПОДПОЛЬЕ. РАДИКАЛЬНАЯ ГЕРМАНИЯ, 1680-1720. Шарлоттесвилль — Лондон, 2015, 454 с.

Книга немецкого историка, профессора университета Эрфурта и директора Центра культурных и социальных исследований в Готе Мартина Мульсова заслуживает внимания по нескольким причинам. В мировой исторической науке его работа представляет новую и, более того, как выразился его американский коллега и переводчик книги на английский язык Э. Мидлфорт, «сейсмическую» интерпретацию происхождения немецкого Просвещения. В Германии философская культура запретных сочинений до последнего времени игнорировалась. Традиционное внимание к печатным работам мыслителей не могло объяснить, почему на рубеже XVII — XVIII вв. имел место «кризис европейской мысли» и был ли он вообще. В отличие от распространенной точки зрения уже во второй половине XVII в. ряд мыслителей в германских землях являлись носителями «опасных» идей, но

делали это в рамках тайных обществ, связей или, иными словами, подполья.

Как исследователю, Мульсову нельзя отказать в научной смелости — он избрал предмет изучения «немодные» радикальные течения. Эта смелость получила адекватную оценку: книга, увидевшая свет в Германии в 2002 г., была удачно издана на английском языке, что свидетельствует о ее научной значимости и популярности. Тщательно исследовав коллекцию манускриптов Северной Европы, Мульсов отобрал и проанализировал сочинения малоизвестных и неизвестных радикальных юристов, теологов, историков и студентов, выступавших за секуляризацию правовых, политических, социальных и религиозных знаний. Кроме того, автор выявил тайный радикализм в сочинениях уже известных просветителей и связал их с работами молодых немецких авторов и радикальной культурой Нидерландов, Британии и Дании.

Интеллектуалы того времени использовали все возможные ресурсы, чтобы достичь своевременных решений назревших проблем мировосприятия, старались выразить свои мысли в печати, но чаще в силу неприятия их идей господствовавшей идеологией и правилами — в манускриптах или кодированным языком. Они были не просто читателями и «получателями» нетрадиционных идей Гоббса, Спинозы, Декарта, но и, перерабатывая иудейские, социнианские, классические филологические и исторические тексты, приходили к глубоким умозаключениям, нередко к прямому атеизму, называя современное им христианство «политическим». Мильсов показывает, что немецкое Просвещение не было поздним и консервативным. Оно развивалось в непростых социальных условиях, когда студенты, молодые преподаватели, а также солидные профессора писали и коллекционировали радикальные работы, надеясь, что рано или поздно они будут востребованы обществом.

Большое внимание Мильсов уделяет методам исследования. Он часто пользуется термином «модерн» или «модернити» («modernity»), но прямо не подразумевает под ним теорию Модерна или периодизацию, а больше связывает его с самими путями к Просвещению, со способами достижения «модернизации». Эти «подпольные» пути и способы являлись экспериментальными, иногда непреднамеренными и непредсказуемыми. В главах книги автор не боится повторов, отчего смысл его положений становится яснее. Несмотря на всю сложность, материал изложен логично и хорошим литературным языком. Избранный автором путь — от микроистории к макроистории — представляется удачным и, пожалуй, единственно эффективным для подобного исследования.

Книга состоит из введения, семи глав, четверть ее объема занимают примечания, внушительная библиография и указатель имен (с. 303—454). Введение посвящено интерпретации радикализма как проблемы исследования. Мильсов констатирует, что раннее Просвещение в Германии обычно трактуется как ослепительное движение за реформу со стороны мыслителей, отталкивавшихся от традиционных идеологических основ, по направлению к теории естественного права, антиметафизической теории знаний и социальной этики, но избегавших антихристианских позиций. Вне поля зрения остаются изолированные радикальные сочинения, включая те, в которых религия подвергалась острой критике. Каковы отношения между этими работами и господствовавшими просветительскими течениями? Была ли между ними связь? Такими

вопросами задается автор, поставив цель изучить процесс радикализации немецкого общества в 1680—1720 гг.

Значительное место во введении занимает характеристика предшествовавших исследований и терминологии. Мильсов считает, что в Германии нелегальная культура стала объектом исследования в бывшей ГДР в рамках интереса к истории материализма, и только в последнее время историки принялись за издание нелегальных сочинений. При характеристике общих просветительских процессов и деятельности известных мыслителей он, безусловно, опирается на солидные работы Х. Дрейцеля, Дж. Покока и др. (с. 3—7). Используя термин «радикализм», Мильсов оговаривается, что тот рожден политической культурой XIX в. Мыслители же конца XVII — начала XVIII в. оперировали более широким и точным арсеналом терминов: «атеист», «натуралист», «индифферентист», «либертин» и т.д. Однако, поскольку всю картину «радикализма» описать невозможно, он оставляет за рамками исследования пиеизм и спиритуализм.

Изучив работы коллег из разных стран, автор сравнивает и связывает немецкий радикализм с европейским. Он согласен с английской исследовательницей М. Якоб, выводившей британский радикализм из революции середины XVII столетия и называющей радикалов интеллектуальными диссидентами. Как и Дж. Покок, он полагает, что английское и немецкое Просвещение имеют схожие черты, культивируя консервативную форму и вместо оппозиции христианству сотрудничая с ним (с. 6—7).

Мильсов специально останавливается на языке сочинений и дискуссий конца XVII — начала XVIII в. В них использовались схоластические формулы со специальными историческими терминами. Мыслители могли спорить о Платоне или Аристотеле, когда обозначали проблему спинозизма; писали о законах, устанавливавших власть царей или императоров, когда на деле дискутировали о народном суверенитете своего времени и т.д. (с. 11). Постоянное обращение к истории показывает, как мысль раннего Нового времени возникала из прошлого и ориентировалась на него. Автор подчеркивает тенденцию раннего Модерна «историзировать» юриспруденцию, философию, теологию, филологию.

Большое внимание в книге уделено характеристике источников. Мильсов выявил и проанализировал разнообразные источники радикальных идей в сочинениях и переписке социниан, иудеев, церковных историков и представителей библейских школ, политических теоретиков и даже студентов

университетов. Он поставил цель обнаружить философский дискурс там, где, на первый взгляд, его не существует. Помимо манускриптов и изданных работ, в книге исследована языковая игра и скрытый смысл посвящений, эпиграфов и других паратекстов, эпистолярное наследие мыслителей (с. 17). Свой метод автор называет «философской микроисторией», представляющей не углубление в детали, а детализированный анализ для понимания общих положений. Его книга состоит из случайных историй, которые образуют мозаику личных и тематических связей в среде радикалов-просветителей. Мильсов сразу оговаривается, что представленная им картина не будет полной — она должна лишь отразить адекватный образ радикализма.

Герои книги, главным образом, мало известны, как, например, Николаус Иеронимус Гудлинг — один из лучших студентов, а затем коллега знаменитого философа и юриста, основателя университета в Галле Христиана Томазия. Упоминаются также и другие радикально настроенные студенты Томазия, вступавшие в эпистолярные и личные связи с просветителями Европы. Причем Мильсов пишет не только о «чистых» либералах и радикалах, он отмечает, что даже ортодоксальное лютеранство содержало в себе радикальные идеи. Автор обращает внимание и на лютеранских теологов — Иоганна Иохима Мюллера, Иоганна Фридриха Майера и др. В географическом плане объектом книги являются Галле — как центр немецкого Просвещения, Гамбург, Киль, цитадель лютеранской ортодоксии Виттенберг, а также Бранденбург и его столица Берлин, где обосновалась гугенотская интеллектуальная диаспора (с. 25). Католическая Германия, констатирует автор, не играла роли в раннем немецком Просвещении.

Главы книги расположены не в хронологическом порядке — автор предпочел выделить отдельные радикальные течения и обнаружить связи между ними. Первая глава посвящена иудейским антихристианским манускриптам и их значению в раннем немецком Просвещении. Антихристианские тексты Исаака Троки, Леви Монтейра, Элии Монтальто, Исаака Оробио Кастро провоцировали дискуссии между христианскими исследователями, порождавшие глубокий конфликт в среде интеллектуалов во Франции, Нидерландах, Британии, а затем Германии благодаря французам-эмигрантам. Труды иудейских ученых переводились на латынь, к ним добавлялись комментарии. Многие положения иудеев состыковывались с положениями других течений: социниане, например, соглашались с ними в отрицании божественности Христа.

Иудейский писатель середины XVII в. Рафаэль Агиляр, не отрицая фундаментальных положений христианства, заявлял, что «природа наделила человека ясными категориями... человеческие знания есть прочный фундамент всех аргументов» (с. 33—45). Мильсов приходит к выводу, что сочинения иудейских авторов играли важную роль посредников в трансмиссии новых идей, вплоть до атеизма (с. 55—56).

Во второй главе на примере жизни и деятельности социнианина Самуэля Крелла отражены европейские контакты антиринитарных кругов с Дж. Спенсером, Дж. Локком, И. Ньютоном и др. Антиринитарные дискуссии, полагает Мильсов, способствовали радикализации многих мыслителей раннего Просвещения, подводя их к критике спинозизма, разрушению христианского платонизма и рациональному пониманию религии. Бог у них — не только нейтральный арбитр, но и мудрый правитель, чьи законы основаны на причинно-следственных связях. При этом рационализм германских просветителей вполне уживался с провиденциализмом, как у Спенсера. Германские просветители были вовлечены в широкие связи неортодоксальных мыслителей и коммуникационную сеть философов и ориенталистов. Из переписки, приведенной автором, видно, что неортодоксальные мыслители общались конфиденциально (с. 61—65).

Название третьей главы — «Атеизм в сердце ортодоксии?». Автор опять возвращает читателя к иудейским работам, но преимущественно концентрируется на главном сочинении всего нелегального раннего Просвещения — «О трех самозванцах» («De tribus impostoribus») Иоганна Иоахима Мюллера, содержащем глубокую критику метафизической философии и религии. Труд этого мыслителя читали и использовали И.Х. Эдельман и Вольтер. Путь Мюллера к атеизму пролегал через анализ ориенталистских работ, а также разнообразных сочинений по истории религии. Атеизм как игра или игровой эксперимент становился атеизмом на деле (с. 83, 109).

В четвертой главе анализируются политическая, или гражданская, теология, различные варианты и проявления скептицизма и критики религии. Большое место отведено научным дискуссиям о государственном интересе, отчуждении идеалов морали от гражданской и религиозной практики. Мильсов называет эти дискуссии предшественицами дебатов XIX и XX вв. В них, по его мнению, проявилась неожиданная преемственность между академической и нелегальной философией. Так, Гундлинг положил начало защите Гоббса как теоретика естественного права

с научных позиций. Более того, радикализм стимулировал немалую часть консервативных течений, таких, как, например, фидеизм (с. 110–115, 172–174).

Две значимые работы по истории церкви, внесшие вклад в разрушение христианского платонизма, исследованы в пятой главе. Это труд Суверена «Обнаженный платонизм» («Le Platonisme dévoilé») и сочинение Гундлинга «Платон-безбожник» («Plato atheos»), содержащие атаку на античные основы христианства. Такое крушение универсальной идеи, по мнению автора книги, никогда ранее не имело места в трудах раннего Просвещения, появившихся в Галле или в дебатах социниан. Подвергая критике идеи Платона и Аристотеля, Суверен и Гундлинг подрывали христианскую теологию как таковую (с. 177).

Глава шестая посвящена скептической версии либерального и консервативного немецкого Просвещения. Место действия – Галле, центральная дискуссия разворачивается между двумя коллегами: противником платонизма Гундлингом и последователем Самуэля Пуфендорфа Иоганном Францем Будде, автором работ по истории и моральной философии. Дискуссия эта выражалась в формуле «являлся Адам доктринером или земледельцем?». В то время как Будде полагал, что Адам от природы имел совершенные знания, Гундлинг подозревал, что спекуляции относительно врожденной мудрости Адама были прикрытием его скупости точно так же, как поиски философского камня породили желание найти золото (с. 207–219). Скептицизм раннего немецкого Просвещения, по мнению Мильсова, основывался на утилитарной природе человека, тогда как религиозные и теологические иллюзии могут вести к «асоциальным» результатам – фанатизму и теории превосходства. Им тонко подмечено, что иронический подтекст известных, казалось бы, сочинений мог способствовать развитию скептической мысли или новой интерпретации христианского вероучения. В целом

скептицизм либеральных и консервативных теологов был направлен на то, чтобы отделить религию от философии, иными словами, от науки в целом (с. 232–233).

Наконец, в седьмой главе на примере анализа двух небольших анонимных работ – «Благочестивый глупец» («Ineptus religiosus») и «Эклектическая религия» («Religio Eclectica») – характеризуются течения эклектизма и индифферентизма. Мильсов справедливо считает распространение этих течений результатом Тридцатилетней войны, во время которой предпринимались дипломатические усилия с целью примирить конфессиональных противников. В целом автор рассматривает эклектизм и индифферентизм в русле политического понимания религии (с. 240–241).

Любое крупное фундаментальное исследование не является абсолютно совершенным. Характеризуя радикальных мыслителей рубежа двух столетий раннего Нового времени, Мильсов почти не уделяет внимания условиям их жизни и внешнеполитическим реалиям описываемого времени: Славной революции 1688 г. в Британии и трем европейским войнам – Десятилетней (1688–1697 гг.), за Испанское наследство (1701–1714 гг.) и Северной (1700–1721 гг.). Тем не менее перед нами очень значимая и интересная работа, которая, несомненно, будет востребована как специалистами, так и всеми интересующимися историей Просвещения. Книга опровергает стереотипы раннего Просвещения в Германии как консервативного и предлагает его новый образ – более радикального, непредсказуемого и сложного, чем считалось ранее. Она может в корне изменить наши представления о европейском Просвещении.

Л.И. Иволина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Смоленского государственного
университета